

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-277-292

EDN: NQWWVN

Вертикальная дифференциация ранних незападных обществ: фактор обеспеченности ресурсами*

С.А. Давыдов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия

(e-mail: licurg@inbox.ru)

Аннотация. Цель статьи — обоснование влияния ресурсного фактора на дифференциацию ранних незападных обществ. Автор использовал обширный исторический и антропологический материал и аналитические средства классических и современных социологических теорий и делает вывод, что в научной литературе достаточность жизненных средств рассматривается как значимый фактор социогенеза. Однако направленность и механизм действия этого фактора интерпретируются по-разному в силу качественного различия тех обществ, которые оказываются в фокусе внимания исследователей. Увеличение количества жизненных средств могло сыграть стимулирующую роль в процессе усложнения социальной структуры обществ, уже располагающих относительно развитыми производящими технологиями, делавшими возможным институциональное закрепление права частной собственности на средства производства. Здесь рост богатства приводил к активизации обмена и, соответственно, возникновению социального неравенства и в конечном счете государства. Иначе процесс социальной дифференциации протекал в обществах, вынужденных существенно повышать эффективность экономики, но не располагавших ни развитыми производящими технологиями, ни возможностью их заимствования у соседей. Здесь рост населения, не подкрепленный повышением производительности труда, приводил к дефициту жизненных средств. Для его преодоления люди были вынуждены искать более эффективные формы организации труда, предполагающие вовлечение больших масс общинников в решение общехозяйственных задач, что наилучшим образом обеспечивала иерархически организованная социально-эко-

*© Давыдов С.А., 2024

Статья поступила в редакцию 05.02.2024 г. Статья принята к публикации 13.05.2024 г.

номическая система с элементами принуждения и планирования. В некоторых местностях население осваивало технологии ирригационного земледелия, что еще более ускорило социальную дифференциацию. В рамках новой социальной структуры родовые отношения до поры сохранялись, однако лишь как средство легитимации нового порядка. По мере укрепления вертикально-интегрированные отношения переставали нуждаться в оправдании — получали легитимацию и становились господствующими.

Ключевые слова: вертикальная интеграция; производящее хозяйство; социальная иерархия; ранние незападные общества; социальная структура, ресурсы жизнеобеспечения

В общественной науке практически сложился консенсус относительно того, что переход архаического общества от недифференцированного к иерархическому устройству был тесно связан со сменой парадигмы хозяйственной деятельности и выражал неотвратимую логику общественных изменений, которые, по мнению Г. Спенсера, «должны закончиться следующим образом: усложнением» [31. С. 80]. Многие представители классической и современной социологии усматривали источники формирования вертикально-интегрированных структур в первобытном обществе преимущественно в хозяйственной сфере, в частности, отмечая обеспеченность архаического общества жизненными средствами. Значимость этого фактора подтверждается археологическими и антропологическими материалами изучения незападных архаических обществ. Вот только направленность и механизм действия этого фактора оценивается в рамках различных методологических школ совершенно по-разному, что, вероятно, объясняется качественным различием тех обществ, что оказывались в фокусе внимания.

Влияние ресурсного фактора на социогенез незападных архаических обществ в контексте марксистской парадигмы

Несомненно, наиболее знаком отечественному социологу тот подход к объяснению влияния обеспеченности древнего общества хозяйственными благами на усложнение его социальной структуры, что был предложен основоположниками марксистской социологии — К. Марксом и Ф. Энгельсом. Этот подход основывался на методологической посылке о решающем значении материальных факторов в формировании и развитии общества. Так, Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» писал: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях ...и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии... В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производи-

тельных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [50. С. 6]. «Возьмите определенную ступень развития производства, общения и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов» [49. С. 402].

В рамках марксистской парадигмы выстраивалась следующая линия объяснения социального прогресса: отношения собственности, лежащие в основе производственных отношений, порождали антагонистические противоречия между имущими и неимущими классами, прежде всего, по поводу распределения благ, что создавало ситуацию непримиримой борьбы между имущими и неимущими классами, в результате чего происходил слом прежних и установление новых, более прогрессивных производственных отношений. В этой теоретической схеме классовая борьба заняла место «локомотива истории», а социальная история стала пониматься как прежде всего история борьбы классов. Как писал Энгельс в предисловии к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии», «со времени разложения первобытного общинного землевладения вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами» [61. С. 2].

Определяющая роль материальных факторов в формировании облика общества постулировалась Марксом и Энгельсом не только в анализе социальностей с относительно развитой экономикой и институционально оформленными отношениями собственности, но и тех, где классовая структура только зарождалась. Ключевым условием, определявшим направление и скорость общественного прогресса на ранних его этапах, объявлялся рост производительности труда и общественного богатства: «Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а, следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий... Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; на его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором... отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени» [62. С. 25–26].

Тем самым, согласно марксистской традиции, именно появление излишков средств жизнеобеспечения порождало в древнем обществе частную собственность и обмен, что неизбежно приводило к социальному неравенству и формированию антагонистических классов, и, в конечном счете, вертикально-интегрированных структур и государства. Впрочем, подобные модельные представления едва ли могли обеспечить требуемую полноту описания социального развития древних обществ без учета тех ограничений, которые классики марксистской социологии вынуждены были принять при определении эмпирической основы своих выводов. Ее составляли факты о жизни наиболее изученных к середине — концу XIX века архаических обществ — как существовавших на тот момент, так и ушедших в историю. В результате в фокусе внимания классиков марксизма оказались, прежде всего, индейцы Северной Америки (преимущественно ирокезские племена), а также оставившие заметный след в европейской истории античные полиитии (Афины и Рим) и современные им варварские общества (галльские и германские племена). Конечно, Маркс и его последователи не могли не понимать, что такой эмпирический плацдарм не был надежной основой универсальной модели формирования вертикально-интегрированных обществ, которая могла быть применена к анализу становления социальной иерархии в незападных обществах.

Действительно, ирокезские племена Северной Америки к моменту встречи с европейцами не успели завершить строительство «цивилизованного общества» и потому не смогли предоставить нам эмпирических подтверждений неизбежности вырастания основанного на эксплуатации классового общества из родового строя. Успешно же преодолевшие этот путь древние племена Европы (галлы и германцы) оказывались догоняющими по отношению к более продвинутым культурам Средиземноморья, и, безусловно, находились под их сильным влиянием, а последние, в свою очередь, формировались под воздействием древних культур Востока и складывались в уникальных природно-географических условиях, во-многом определивших оригинальность их социально-экономической организации. В связи с этим в описании хронологической линейки развития древнего общества Маркс вынужден был признать существование особого «азиатского» способа производства, логика развития которого отличается от европейской [48. С. 710]. Похоже, что этим он имплицитно констатировал отсутствие интеллектуальных претензий на то, чтобы в рамках формационного подхода дать всеобъемлющее теоретическое описание некоего универсального пути формирования ранних вертикально-интегрированных обществ.

Тем не менее, многие сегодня разделяют марксистское понимание той роли, которую сыграло возрастание общественного богатства в процессе социогенеза архаического общества — в отношении не только европейских, но и незападных ранних обществ. В модифицированном виде это положение

ние отразилось в утверждении о значении концентрации богатства в руках вождей, стремящихся институционализировать верховную власть в первобытном обществе. Так, принимая введенное Р.В. Эмерсоном сравнение социальных институтов и структур с «увеличенной тенью одного человека» [10. С. 3] и отталкиваясь от посылки Спенсера, что «возникновение простого политического руководства, равно как и развитие сложного политического руководства, определяется условиями, а не намерениями» [32. С. 395], исследователи делают вывод о роли заинтересованности вождей в создании таких условий и фиксируют многочисленные примеры подобной деятельности, прежде всего поощрение ремесел и торговли. В этом контексте обычно рассматриваются скифское художественное литье из бронзы [44. С. 34], технологические сооружения для выплавки железа хунну [54. С. 265–269], тюркские предприятия по производству и продаже железа, олова, серебра и золота [43. С. 74], художественные изделия из металлов [58] и ремесленно-торговая деятельность Уйгурского каганата [47. С. 5], контролировавшего производство ремесленных изделий из золота, серебра и нефрита [47. С. 59] и торговлю ими [47. С. 30], и др.

Обобщая деятельность вождей по стимулированию и организации ремесла и торговли с целью концентрации богатства в своих руках, М. Вэбб полагал, что в известных обстоятельствах она способна сыграть не только важную, но и решающую роль в росте их авторитета и увеличении числа сторонников [36]. Логическим продолжением данной аргументации стала гипотеза К. Экхольм о значении престижных товаров в становлении вертикально-интегрированных структур в архаических обществах Центральной Африки [9].

Однако в качестве примеров, подтверждающих зависимость социального прогресса от увеличения общественного богатства и его концентрации в руках верховных правителей, как правило, рассматривались общества с развитыми производящими технологиями или контролирующими их: домохозяйства могли самостоятельно обеспечивать себя жизненными ресурсами и выстраивать между собой систему экономических отношений, основанных на институционализированной частной собственности и обмене. В таких обществах хозяйственные блага действительно обретали важное значение в социальной жизни, а их концентрация становилась социальным маркером, источником власти и условием роста социальной дифференциации. В то же время история знает примеры обществ, где собственность на основные средства производства считалась «большим неудобством, так как хозяину не будет помощников в тех делах, с которыми самому ему не справиться» [42. С. 283]. Такие общества или сильно ограничивали хозяйственных агентов в правах собственности, или лишали их таких прав, но успешно выстраивали высокодифференцированные производящие хозяйства и общественную иерархию. Это были по большей

части неевропейские общества, и в отношении них утверждение об определяющей роли роста общественного богатства в процессе социальной дифференциации следовало применять со множеством оговорок.

**Дефицит хозяйственных благ
как фактор вертикальной дифференциации
ранних восточных обществ: парадигма К.А. Виттфогеля**

Учитывая это обстоятельство, исследователи не оставляли попыток предложить новое понимание связи между наличием средств жизнеобеспечения и характером социогенеза архаических обществ. Так, в фокус интереса попали первые производящие культуры, возникавшие на просторах Азии и Африки. Они оставили довольно богатый археологический материал — надежную основу для эмпирических обобщений и теоретических выводов о протекавших в них социально-экономических процессах. Одна из наиболее значимых и оригинальных теорий была предложена К.А. Виттфогелем: в отличие от марксистов, он объяснял усложнение архаического общества не ростом богатства, а, напротив, дефицитом хозяйственных благ, исходя из того, что недостаток жизненных ресурсов вынуждал людей искать более эффективные формы хозяйственной деятельности. В определенных условиях необходимая производительность труда достигалась переходом к ирригационному земледелию.

Виттфогель полагал, что на первоначальных этапах земледелия успешное сельское хозяйство требовало сочетания следующих условий: наличие подлежащих окультуриванию растений и пригодной для земледелия почвы, способствующий земледелию климат и удобный для растениеводства рельеф. На ранних этапах развития человечество не могло оказывать «компенсирующее воздействие» на эти факторы, но было способно регулировать подачу достаточного количества воды к полям, а следовательно, располагало ресурсами для управления важнейшим фактором земледелия [41. С. 11, 13]. Согласно Виттфогелю подобная ситуация сложилась в конце неолита на ландшафтах, окружавших великие реки, что открывало прямой путь к формированию хозяйственной системы, основанной на ирригационном земледелии. Ее условием было управление деятельностью большой массы работников для скоординированного сооружения и обеспечения работы каналов и дренажных систем, дамб и водохранилищ, обустройства дорог, возведения и обслуживания общественных складов и амбаров. Выполнение этого комплекса работ с неизбежностью требовало иерархической структуры под контролем слоя профессиональных функционеров, располагавших необходимыми символическими, административными и властными ресурсами для поддержания социального порядка и бесперебойной работы «гидравлического» хозяйства.

Виттфогель, конечно, отдавал себе отчет в том, что «многие архаичные общества на протяжении долгих лет и эпох жили в условиях голода

и не предпринимали кардинальных усилий для перехода к земледелию, чем доказывали свою приверженность нематериальным ценностям в тех условиях, когда неизбежной ценой материального благополучия становилось политическое, экономическое и культурное угнетение» [41. С. 17]. Но он полагал, что если ирригационное хозяйство все же создавалось, то его неизбежным следствием становилось порабощение работников функционерами — теми, «кто контролировал эту систему и обладал уникальными возможностями для достижения высшей политической власти» [41. С. 27]. Правящему классу «менеджерияльного» общества обычно удавалось успешно завоевывать и укреплять вою власть над широкими массами социальных низов [58].

Отдавая должное схеме Виттфогеля, некоторые социологи и антропологи критически оценивают его утверждение о прямой связи между развитием ирригационного земледелия и усилением власти менеджерияльной аристократии. Например, Бонг Канг, анализируя ранние централизованные государства Кореи, приходит к выводу, что иерархическая структура и социальное угнетение могут возникнуть и вне ирригационной экономики: централизованная политическая власть в королевстве Силла сложилась задолго до ирригационного хозяйства, причем столицы большинства корейских государств были удалены от ирригационных сетей, что противоречит логике Виттфогеля [16]. Дополнительные аргументы против этой логики основаны на результатах исторических и антропологических исследований, указывающих на отсутствие связи между «гидравлической» экономикой и «гидравлической» социальной системой. Так, Д. Сайер отмечает, что средневековая восточная Англия вела хозяйство, которое обладало всеми признаками «гидравлического», но, по мнению самого Виттфогеля, ее социальное и политическое устройство не было «гидравлическим» [28]. В ходе этнографических исследований племен, обитавших в засушливых районах Восточной Африки и практикующих орошение, было обнаружено, что создание разветвленных ирригационных систем необязательно требовало узурпации власти менеджерияльной аристократией — они вполне успешно создавались и поддерживались органами управления родового строя (советом старейшин или общим собранием взрослых мужчин) [7. С. 17–22].

Допущение о возможности ирригационной экономики вне иерархической социальной структуры и централизованной политической системы было подтверждено тем фактом, что многие ирригационные системы создавались не целенаправленно, а стихийно. Например, многочисленным общинам, населявшим долину Зеравшана, удалось создать локальные ирригационные системы и связать их в единую сеть для доставки воды до полей общей площадью более 1000 кв. км [35. С. 78]. Важно учесть и явное несовпадение границ ранних среднеазиатских государств с контурами созданных в регионе ирригационных систем [35. С. 79].

В целом сегодня нет достаточных свидетельств прочной связи между ирригационной экономикой с одной стороны и социальной стратификацией с политической централизацией — с другой, что убедительно показала С. Лиис. Основываясь на богатом историческом и антропологическом материале, она пришла к противоречащему парадигме Виттфогеля выводу: администрирование гидравлических систем оправдано лишь на локальном уровне, а усиление централизованного контроля обычно снижает эффективность ирригационной экономики, ограничивая потенциал ее роста [20. С. 364]. Впрочем, несмотря на критику интеллектуальных построений Виттфогеля, в своей принципиальной основе они востребованы и поныне: многие специалисты принимают его идею о высокой трудоемкости работ по перемещению воды как на засушливой, так и на заболоченной местности [28. С. 145], что расширяет эмпирическую основу гипотезы о значении централизованной координации деятельности домохозяйств в ходе ирригационных работ и о связи между уровнем централизации политической власти и степенью развития ирригационного земледелия [24].

Современное осмысление роли жизнеобеспечения в дифференциации ранних незападных обществ

Сегодня историческая социология, критикуя отдельные положения теорий классического периода, не отрицает их фундаментальное утверждение о значимости влияния обеспеченности жизненными средствами на возникновение ранних форм вертикальной интеграции. Более того, в конце XX — начале XXI столетий эта тема получила новое звучание — в центре дискуссии оказалась проблема влияния природных условий на обеспеченность хозяйственными благами и, в конечном счете, на темпы социального прогресса в архаических обществах. Одни исследователи полагают, что при условии достаточности природных ресурсов развитие социальной системы было возможным даже в рамках присваивающей парадигмы хозяйствования: «для общественной эволюции особую важность имела не столько сама форма хозяйства, сколько его эффективность, способность поддерживать и стимулировать развитие сложной социальной структуры. В этом смысле потенциал развитого присваивающего хозяйства в ряде случаев был ничуть не меньше, чем у ранних форм производящего хозяйства. Вот почему общественные отношения и социальная структура высших охотников и собирателей нередко сильно напоминали соответствующие параметры в обществах ранних земледельцев и скотоводов» [60. С. 400].

В качестве примера можно рассмотреть социально-экономический строй индейцев в западной части Северной Америки — тлинкитов. Охота на морского зверя и ловля рыбы, в изобилии водившихся в ареале обитания этого племени, давали людям такое количество ресурсов, которое высвобождало время на развитие ремесел (например, ткачества) и позволяло поддерживать

довольно высокий уровень социальной дифференциации: существовала торговля и деньги в виде медных пластин, были богатые и бедные, процветало рабство (примерно четверть населения составляли рабы, и права их владельцев практически не ограничивались нормами эгалитарной морали). Часть добытого домохозяйства без ущерба для своего благополучия передавали вождю, располагавшему значительными властными полномочиями. Тем самым практиковавшие присваивающее хозяйство тлинкиты в известной мере опережали ранних земледельцев, освоивших более «прогрессивные» производящие технологии.

Впрочем, многие исследователи подвергают сомнению позитивную роль природного изобилия в формировании устойчивых трендов социального прогресса в силу неспособности «исключительных» условий стать его основой: эти условия «потому и исключительны, что они не типичны, могут исчезнуть и главное — не способны быть предметом заимствования и распространения для других, а, следовательно, по многим причинам направляют развитие в тупик» [42. С. 67]. Соответственно, считается, что рост структурной и функциональной дифференциации древних незападных обществ гораздо чаще был следствием не изобилия, а недостатка средств жизнеобеспечения вследствие повышения демографической нагрузки на вмещающий ландшафт по двум причинам. Одна из них — климатические изменения: например, дефицит жизненных ресурсов в долине и пойме Нила привел к формированию социальной иерархии в обществе древних египтян. Катализатором дефицита хозяйственных благ стали климатические изменения в Сахаре и Сахеле, которые сместили баланс обеспеченности ресурсами в пользу принильских территорий [33; 37; 52; 54]. С одной стороны, произошло иссушение и превращение в пустыни прежде комфортных для проживания бескрайних саванн Северной Африки и Аравийского полуострова. С другой стороны, ставший более стабильным сток воды из озер стабилизировал амплитуду колебаний воды в Ниле и создал условия для формирования на его берегах слоя удобряемой илом плодородной почвы [40]. Закономерно, что именно этим периодом археологи датируют первые материальные свидетельства разведения здесь сельскохозяйственных культур [59] и притока в пойму Нила населения из окружающей ее пустынной местности [14].

Рост демографической нагрузки на вмещающий ландшафт имел решающее значение для древних египтян, породив дефицит жизненных ресурсов и ожесточенную борьбу за них [38]. В этих условиях выживание людей и их мирное сосуществование могли быть обеспечены только кардинальным повышением эффективности хозяйства. Однако прогоегиптяне еще не располагали производящими технологиями, которые можно было задействовать для достижения этой цели. Так, культура Буто–Маади (IV тыс. до н.э.), предшествовавшая возникновению государства в Египте, еще не пришла к использованию серпа в хозяйственной деятельности [25]. Заметное повышение

эффективности производства могло быть обеспечено единственным путем — новой структурой общества, способствующей координации действий экономических агентов и мобилизации человеческих и хозяйственных ресурсов на социально значимых направлениях. Иным образом климатические процессы повлияли на хозяйственные уклады и социальную организацию обществ в междуречье Тигра и Евфрата, но с тем же главным результатом — привели к существенному росту демографической нагрузки на территорию с вытекающим из этого роста сокращением удельного объема ресурсов [54].

Другая причина повышения демографической нагрузки на местность и обусловленного ею дефицита ресурсов — ограниченность территории, в пределах которой происходил рост численности первобытного населения. Пример — построение вертикально-интегрированного общества на Гавайских островах, которое развивалось относительно изолированно в силу удаленности от других населенных территорий, т.е. логика социально-экономического развития здесь не была искажена заимствованиями форм хозяйственной и социальной организации у соседей, что наблюдалось в других частях света. Кроме того, экономика гавайцев ко времени появления социальной иерархии не была ирригационной, что позволяет говорить о модели социогенеза, выходящей за рамки виттфогелевской парадигмы гидравлического общества.

К началу освоения Микронезии и Полинезии общества мореходов-первооткрывателей имели родовую структуру, которая была сохранена на множестве небольших островов [2; 11; 12. С. 235; 22], однако на более крупных островах, где имелись условия для роста численности населения, родовые отношения теряли значение и уступали место новой форме социальной организации — вождеству [21; 27]. Так, изначально все население Гавайев исчислялось сотнями человек, к 800 году н.э. счет пошел на тысячи, и в это время в территориальных общинах появляются местные лидеры с властными полномочиями [5. С. 91]. В это время деятельность человека привела к уничтожению части эндемической фауны и эрозии почвенных покровов в прибрежных долинах, что вынудило людей осваивать другие экосистемы. Первыми в зону хозяйственного освоения попали засушливые прибрежные, а затем и внутренние районы островов, покрытые тропическим лесом. Открыв новые жизненные пространства и используя производящие технологии, туземцы к 1200–1400 годам существенно увеличили свою численность, и обострившаяся борьба за жизненные ресурсы вынуждала их искать такие формы политической организации, которые были бы комплементарны традиционной родовой структуре [56. С. 76] — рэмиджу [27. С. 299; 6. С. 91] — и одновременно могли обеспечить социальную стабильность и достаток для большинства.

Завершением «форматирующего периода» в истории Гавайских островов стало преобразование социальной организации из двухуровневых локальных структур в трехуровневые надлокальные иерархические образования [8]. Ряд исследователей полагает, что социальной дифференциации и территориаль-

ной интеграции на Гавайях способствовало внедрение полинезийцами новых сельскохозяйственных технологий, требовавших координации труда значительных масс людей — строительство дамб, создание и поддержание ирригационных систем, прополка полей и т.д. Частная собственность на землю, становившаяся препятствием для реализации властных амбиций вождей, была делегитимирована. Это укрепило власть верховных правителей, которые присвоили право отчуждать материальные и трудовые ресурсы домохозяйств и становились полноправными руководителями масштабных общественных работ, распорядителями общественной собственности и общественного запаса [30. С. 139–140]. Собранный урожай первоначально перераспределялся между общинниками, но постепенно все большая его часть направлялась на содержание войска, поддержание работы управленческого аппарата и престижа правителя.

Гавайцам не суждено было построить ни завершённое «гидравлическое» общество, ни государство. На рубеже XIV–XV веков здесь возник ряд крупных региональных образований под властью верховных вождей [8] с населением в десятки тысяч человек каждая [15. С. 246]. Однако лидеры крупных вожеств оказались неспособны подчинить себе мелких соседей без значительного ущерба для себя. Их попытки расширения подконтрольной территории сталкивались с ожесточенным и хорошо организованным сопротивлением. В результате амбиции завоевателей всякий раз упирались в естественный потолок, устанавливаемый ресурсными возможностями их политий и амбициями соседей [6]. Пример Гавайев показывает, что формирование ранних вертикально-интегрированных социальных структур было следствием роста демографической нагрузки на территорию, что порождало дефицит хозяйственных благ и, соответственно, необходимость перехода к более производительным видам деятельности, создавая социально-экономическую систему с элементами политической централизации и хозяйственного планирования. Ирригационная экономика в данном случае не причина, а следствие социально-экономических преобразований, но с оговоркой, что функционирование такой экономики еще более укрепляло иерархические структуры и власть политического лидера.

Таким образом, можно констатировать высокую значимость обеспеченности жизненными средствами как фактора дифференциации неевропейских архаических обществ. Увеличение количества таких средств могло сыграть стимулирующую роль в усложнении социальной структуры тех обществ, что располагали относительно развитыми производящими технологиями. Процесс социогенеза в них был объяснен марксистской парадигмой: рост богатства приводит к институциональному закреплению частной собственности и формированию сначала экономических, а затем социальных классов.

Экономическая эксплуатация собственниками людей, лишенных средств производства, порождает неравенство, которое закрепляется и усугубляется возникновением государства как орудия подавления эксплуататорским меньшинством эксплуатируемого большинства.

Иначе процесс социальной дифференциации протекал в обществах, не сумевших добиться достаточного «уровня развития жизнеобеспечивающих технологий» [45. С. 269] и не имевших возможности заимствовать их в готовом виде у соседей. За исключением тех редких случаев, когда природа предоставляла неограниченные ресурсы, решающее влияние на этот уровень оказывали естественные ограничения, накладываемые пределами плодородия земли [46]. Часто эти пределы определялись демографическим давлением на территорию [3]. Недостаток средств жизнеобеспечения стимулировал активность населения по изменению своего положения к лучшему, хотя эта активность зачастую имела непредсказуемые последствия [39]. Так, увеличение плотности населения вынуждало стремящиеся к самосохранению отдельные группы покидать перенаселенные области и перемещаться в менее пригодные для жизни районы, попадая в зависимость от тех, кто оставался жить в лучших местах [18; 4; 29]. Но и в новых районах рост населения, не подкрепленный повышением производительности труда, приводил к дефициту жизненных средств.

Для его преодоления люди были вынуждены искать более эффективные формы организации труда, предполагающие вовлечение больших масс общинников в решение общехозяйственных задач. Созданию таких форм препятствовала система родства, которая долгое время действовала как превращенная форма производственных отношений [13]. Необходимость повышения производительности и интенсивности труда требовала слома родового строя и установления социально-экономической системы с элементами принуждения и планирования. В некоторых местностях население осваивало технологии ирригационного земледелия, что еще более ускорило процесс социальной дифференциации [34; 41; 23].

В рамках новой социальной структуры родовые отношения до поры сохранялись, но лишь как средство легитимации нового порядка; принадлежность к старшей линии наследования становилась социальным маркером высокого положения, и наоборот [19; 4; 17; 1]. Со временем отношения между агентами вертикально-интегрированного общества переставали нуждаться в оправдании — они могли воспроизводиться и развиваться и без него. В этих условиях неравенство «становится характеристикой всего общества, за чем следует и неравенство в потреблении» [30. С. 139–140]. С другой стороны, создание новой структуры социальных отношений требовало специального аппарата принуждения, способного «применять по ситуации негативные санкции» [51. С. 29–30], и структур символического насилия. В совокупности

они обуславливали все большую дистанцию между аристократией и основной массой простолюдинов, т.е. рост социальной дифференциации архаического общества.

Библиографический список/References

1. Bott E. Power and rank in the Kingdom of Tonga. *Journal of the Polynesian Society*; 1981 (90).
2. Burrowa E.G., Spiro M.E. *An Atoll Culture: Ethnography of Ifaluk in the Central Carolines*. New Haven; 1953.
3. Carneiro R.L. Cross-current in the theory of state formation. *American Ethnologist*. 1987; 14.
4. Claessen H.J.M. The early state in Thaiti. Claessen H.J.M., Skalnik P. (Eds.). *The Early State*. Hague; 1978.
5. Cordy R.H. Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: Suggested explanations for their origin. *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974; IX (2).
6. Cordy R.H. *A Study of Prehistoric Social Change: The Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands*. New York; 1981.
7. Davies M. Wittfogel's dilemma: Heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia. *World Archaeology*. 2009; 41 (1).
8. Earle T. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford; 1997.
9. Ekholm K. External exchange and transformation of Central African social systems. Friedman J., Rowlands M. (Eds.). *The Evolution of Social Systems*. London; 1977.
10. Emerson R.W. History. *Essays by Ralph Waldo Emerson*. New York; 1978.
11. Firth R. *We, the Tikopia*. Boston; 1963.
12. Force R., Force M. *Just One House. A Description and Analysis of Kingship in the Palau Islands*. Honolulu; 1972.
13. Godelier M. La notion de "production asiatique" et les schémas Marxistes d'évolution des societies. Garaudy R. (Ed.). *Sur le Mode de Production Asiatique*. Paris; 1969.
14. Hassan F.A., Holmes D.L. *The Archaeology of the Umm el-Dabadid Area, Kharga Oasis, Egypt*. Cairo; 1985.
15. Johnson A.W., Earle T.K. *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford; 1987.
16. Kang B.W. Large-scale reservoir construction and political centralization: A case study from ancient Korea. *Journal of Anthropological Research*. 2006; 62 (2).
17. Korn S.R. Hunting the Ramage: Kinship and the organization of political authority in aboriginal Tonga. *Journal of Pacific History*. 1978; 13.
18. Kottak C.Ph. Ecological variables in the origin and evolution of African states. *Comparative Studies in Society and History*. 1972; 14.
19. Labby D. *The Demystification of Yap*. Chicago; 1976.
20. Lees S.H. Irrigation and society. *Journal of Archaeological Research*. 1994; 2 (4).
21. Muller J.-C. Political systems as transformations. Claessen H.J.M., van de Velde P., Smith M.E. (Eds.). *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley; 1985.
22. Nason J.-C. Political change: Another island perspective. Highes D.T., Lingenfelter S.G. (Eds.). *Political Development in Micronesia*. Columbus; 1974.
23. Price B. Shifts in production and organization: A cluster-interaction model. *Current Anthropology*. 1977; 18.
24. Price D.H. *The Evolution of Irrigation in Egypt's Fayoum Oasis: State, Village and Conveyance Loss*. University of Florida; 1993.
25. Rizkana I., Seeher J. *Maadi II: The Lithic Industries of the Predynastic Settlement*. Mainz am Rhein; 1988.
26. Sahlins M.D. Poor man, rich man, big man, chief. Political types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*. 1963; 5.

27. Sahlins M.D. Differentiation by adaptation in Polynesian societies. *Journal of the Polynesian Society*. 1957; 66 (3).
28. Sayer D. Medieval waterways and hydraulic economics: Monasteries, towns and the East Anglian fen. *World Archaeology*. 2009; 41 (1).
29. Service E.R. *Origins of the State and Civilization*. New York; 1975.
30. Service E.R. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York; 1971.
31. Spencer H. *Social Statics*. New York; 1851.
32. Spencer H. *The Principles of Sociology*. Vol. 2. New York; 1890.
33. Stanley D.J., Warne A.G. Nile delta: Recent geological evolution and human impact. *Science*. 1993.
34. Steward J.H. Cultural causality and law. A trial formulation of the development of early civilizations. *American Anthropologist*. 1949; 51.
35. Stride S., Rondelli B., Mantellini S. Canals versus horses: Political power in the oasis of Samarkand. *World Archaeology*. 2009; 41 (1).
36. Webb M. The flag follows trade: An essay on the necessary interaction of military and commercial factors in state formation. Lamberg-Karlovski C., Sabloff J. (Eds.). *Ancient Civilization and Trade*. Albuquerque; 1975.
37. Wendorf F.A., Schild R., Haas H. A new radiocarbon chronology for prehistoric sites in Nubia. *Journal of Field Archaeology*. 1979; 6.
38. Wendorf F.A. *The Prehistory of Nubia*. Vol. 2. Dallas; 2001.
39. Wilkinson R. *Poverty and Progress. An Ecological Perspective on Economic Development*. New York; 1974.
40. Williams M.A.J. Age of alluvial clays in the Western Gezira, Republic of the Sudan. *Nature*; 1966 (211).
41. Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven–London; 1957.
42. Гринин Л.Е. Философия, социология и теория истории (Опыт философско-социологического анализа некоторых общественных законов и построения теории всемирно-исторического процесса). Волгоград, 2003 / Grinin L.E. *Filosofiya, sotsiologiya i teoriya istorii (Opyt filosofsko-sotsiologicheskogo analiza nekotoryh obshchestvennykh zakonov i postroeniya teorii vsemirno-istoricheskogo protsesssa)* [Philosophy, Sociology and Theory of History (A Philosophical-Sociological Analysis of Some Social Laws and a Theory of the World-Historical Process)]. Volgograd; 2003. (In Russ.).
43. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 2008 / Gumilev L.N. *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow; 2008. (In Russ.).
44. Коновалов П.Б. Центральноазиатский очаг скифосибирского культурно-исторического единства // Историкокультурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1983. Konovalov P.B. *Tsentrlnoaziatsky ochag skifosibirskogo kulturno-istoricheskogo edinstva* [Central Asian center of the Scythian-Siberian cultural-historical unity]. *Istoriokulturnye svyazi narodov Tsentralnoj Azii*. Ulan-Ude; 1983. (In Russ.).
45. Коротаев А.В. Становление и развитие государственных структур в Евразии и Северной Африке (VI–I тыс. до н.э.): мир-системный контекст // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006 / Korotaev A.V. *Stanovlenie i razvitie gosudarstvennykh struktur v Evrazii i Severnoj Afrike (VI–I tys. do n.e.): mir-sistemny kontekst* [Formation and development of state structures in Eurasia and North Africa (VI–I millennium BC): A world-system context]. *Ranee gosudarstvo, ego alternativy i analogi*. Volgograd; 2006. (In Russ.).
46. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. Т. 4. Петрозаводск, 1993 / Malthus T. *Opyt o zakone narodonaseleniya* [An Essay on the Principle of Population]. Vol. 4. Petrozavodsk; 1993. (In Russ.).
47. Мальявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974 / Malyavkin A.G. *Materialy po istorii ujugurov v IX–XII vv.* [Materials on the History of the Uighurs in the 9th — 12th Centuries]. Novosibirsk; 1974. (In Russ.).

48. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. М., 1959 / Marx K. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisej 1857–1858 godov) [Introduction (From Economic Manuscripts of 1857–1858)]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 12. Moscow; 1959. (In Russ.).
49. Маркс К. Письмо В.П. Анненкову, 28 декабря 1846 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. М., 1959 / Marx K. Pismo V.P. Annenkovu, 28 dekabrya 1846 goda [Letter to V.P. Annenkov dated December 28, 1846]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 27. Moscow; 1959. (In Russ.).
50. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М., 1959 / Marx K., Engels F. K kritike politicheskoy ekonomii [Critique of political economy]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 13. Moscow; 1959. (In Russ.).
51. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997 / Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1997. (In Russ.).
52. Прусаков Д.Б. О причине «позднего» перехода к неолиту // История и современность. 2005. № 2 / Prusakov D.B. O prichine “pozdnego” perekhoda k neolitu [On the reason for the “late” transition to the Neolithic]. *Istoriya i Sovremennost*. 2005; 2. (In Russ.).
53. Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999 / Sahlins M. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Moscow; 1999. (In Russ.).
54. Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М., 2022 / Scott J. *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevnejshih gosudarstv* [Against the Grain: A Deep History of the Earliest States]. Moscow; 2022. (In Russ.).
55. Старова О.В. Культура художественной обработки металла в эпоху племенных союзов и ранних государств Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14 / Starova O.V. Kultura khudozhestvennoj obrabotki metalla v epokhu plemennyh soyuzov i rannih gosudarstv Zabajkaliya [The culture of the artistic metal processing in the era of tribal unions and early states of Transbaikalia]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2010; 14. (In Russ.).
56. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003 / Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoj antropologii* [Requiem for Ethnicity: Studies in Social-Cultural Anthropology]. Moscow; 2003. (In Russ.).
57. Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы. М., 1971 / Tumarkin D.D. *Gavajsky narod i amerikanskije kolonizatory* [Hawaiian People and American Colonialists]. Moscow; 1971. (In Russ.).
58. Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В.В. Струве. Т. 1: Древний восток. Введение. М., 1950 / Khrestomatiya po istorii drevnego mira [Reader on the History of the Ancient World]. Pod red. V.V. Struve. Vol. 1. Drevny vostok. Vvedenie. Moscow; 1950. (In Russ.).
59. Цултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М., 1982 / Tsultem N.-O. *Iskusstvo Mongolii s drevnejshih vremen do nachala XX veka* [Mongolian Art from Ancient Times to the Early 20th Century]. Moscow; 1982. (In Russ.).
60. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства: проблема первичных и вторичных очагов. М., 1989 / Shnirelman V.A. *Vozniknovenie proizvodnyashchego khozyajstva: problema pervichnyh i vtorichnyh ochagov* [Origins of the Productive Economy: Primary and Secondary Centers]. Moscow; 1989. (In Russ.).
61. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1959 / Engels F. Manifest kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 21. Moscow; 1959. (In Russ.).
62. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1959 / Engels F. Proiskhozhdenie semiy, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 21. Moscow; 1959. (In Russ.).

Vertical differentiation of the early non-Western societies: A factor of resource availability*

S.A. Davydov

Saint Petersburg state University of Economics,
Sadovaya St., 21, Saint Petersburg, 191023, Russia

(e-mail: licurg@inbox.ru)

Abstract. The article aims at explaining the influence of the resource factor on differentiation in the early non-Western societies. The author uses extensive historical and anthropological data and analytical tools of classical and contemporary sociological theories to prove that scientific works consider the sufficiency of life support resources as a significant factor in sociogenesis. However, the direction and mechanism of this factor are interpreted differently due to the qualitative features of societies under study. An increase in the number of life support resources could play a stimulating role in the complication of those social structures that had relatively developed production technologies, which allowed to institutionalize private ownership of the means of production, i.e., the growth of wealth led to an increased exchange and, accordingly, to social inequality and, ultimately, to the state. Social differentiation developed differently in societies that were forced to significantly increase their economic efficiency but did not have developed production technologies or could not borrow them from their neighbors, i.e., the population growth, not supported by an increase in labor productivity, led to a shortage of life support resources. Thus, people were forced to look for more effective forms of labor organization, such as the involvement of large masses of community members in solving general economic problems, which was best ensured by a hierarchical social-economic system with elements of coercion and planning. In some areas, population mastered irrigation farming technologies which further accelerated social differentiation. Within this new social structure, clan relations were preserved for some time but only as a means of legitimizing the new order. As vertically integrated relations strengthened, they ceased to need justification due to achieving legitimation and dominance.

Key words: vertical integration; productive economy; early non-Western societies; social hierarchy; social structure; life support resources